

А. Ю. Арьев
Санкт-Петербург

Об А. А. Мухине¹

Иван Толстой. ...И теперь обратимся к разговору об учителях.

Андрей Арьев. Этот вопрос меня самого некоторое время чуть ли не мучил: «Но кто мы и откуда, / Когда от всех тех лет / Остались пересуды, / А нас на свете нет?» Как и автору этих строк, ничего мне не оставалось, кроме как прийти на «свидание» с самим собой. Я стал об этом размышлять и пришел к заключению, что научило меня в жизни какое-то количество людей, сначала вроде бы неосязаемых, я многих из них не помню и даже не знаю.

Например, мне кажется, со словесностью меня связала эпоха так сказать «царскосельская», хотя родился я не в Царском и не в Детском Селе и вообще появился в этих местах, уже в городе Пушкине, в четырнадцатилетнем возрасте. Поселился здесь вместе с родителями в 1954 году.

В Царском Селе, в Императорской Николаевской гимназии, где директорствовал Иннокентий Федорович Анненский, был преподавателем Аркадий Андреевич Мухин, он преподавал там греческий, русский язык и русскую словесность. Об Анненском он написал один из первых и лучших некрологов. Сам Анненский с ним и его женой поддерживал отношения, существовала между ними огромная переписка, частично сохранившаяся и опубликованная.

Так вот, этот Аркадий Андреевич Мухин неосязаемо вторгся в мою судьбу, может быть, и очень даже сильно. Потому что он в 1930-е годы преподавал литературу в старших классах той школы, в которой училась моя мама, Елена Константиновна Грегер. Школа была на филфаке; кто знает филологический факультет Ленинградского, теперь Петербургского, университета, знает и помещение, которое до сих пор называют «школой», но не все понимают, почему. А там действительно в 1930-е годы была школа, где преподавал Мухин, человек в то время пожилой, ему было за 60 лет, и от него в восторге были все ученики. Мама в старших классах у него училась, он у нее

был классным руководителем, а сама она – старостой (между прочим, не состоя в комсомоле, как и некоторые другие ученики Мухина).

Хотя их любимый преподаватель и имел фамилию Мухин, но роста оказался большого и возвышался в классе, рассказывал что-то этим деткам, которые жили неподалеку: мама родилась и жила на Васильевском острове. Даже переехав на Кировную, определенная в новую школу, она не захотела в ней учиться и самовольно вернулась в старую, университетскую, которую и закончила в 1938 году. Перед войной поступила на архитектурный факультет в ЛИСИ; сразу после войны оказалась в Петрозаводске, где архитектурного факультета не нашлось, окончила исторический факультет и аспирантуру местного университета.

В общем, большинство известных мне учеников Аркадия Андреевича пошли по гуманитарной части.

Мухин рассказывал о литературе все то, что он в ней предпочитал и знал, а знал он, конечно, в тысячу раз больше, чем можно было почерпнуть из учебников тогдашних советских или каких-либо других источников, в том числе на самом филфаке. Учеников он элементарно просвещал. Он, как мама помнила, едва ли не каждый урок преподносил им какого-то нового для них писателя, а на самом деле, писателя, который замолчан был в то время или уехал, скажем, за границу. Ему было, видимо, не до страхов, он понимал, что дни его подходят к концу (в 1942-м он умер в блокадном Ленинграде).

Так что прямо на меня, преднамеренно, никто, как мне кажется, не повлиял, вообще трудно на человека повлиять, если ты хочешь это заметным образом сделать. Все-таки люди сами учатся и на огромное количество людей влияют, но никто не хочет, чтобы тебя наставляли на путь истинный по утвержденным невесть кем прописям. Конечно, ремесленники из рук в руки передают свое ремесло и таким образом учат молодых. До какой-то черты это необходимо. Но что делать за чертой? В таких областях, как гуманитарные, да и во всех других тоже, обучение более или менее насильственное, обусловленное априорно заданной программой, неэффективно. А вот ученики Аркадия Андреевича были людьми, свободными от груза, наваливаемого на отроков школьными учебниками, идеологическими установками и «внеклассным чтением».

Например, один из них, мамин одноклассник, Евгений Викторович Жилó, прекрасный преподаватель, превосходный знаток Блока; занимался в семинаре у Дмитрия Евгеньевича Максимова, тот ему предлагал остаться в аспирантуре, но он был человеком очень

свободным, аспирантуру предложил жене (Дмитрий Евгеньевич считал это необъяснимой «странностью»), а сам всю жизнь размышлял о литературе и беседовал о ней с детьми. Он был школьным преподавателем (в том числе и на «малом филфаке», в тех самых помещениях, где прежде находилась «школа»). И он во многом меня заразил поэзией, в первую очередь – Александра Блока, а следом и Цветаевой, тогда у нас практически не публиковавшейся.

Другой одноклассник мамы, профессор Витольд Густавович Вилюман, преподавал в Герценовском институте: он был специалистом по иностранной литературе. Я случайно забрел на его семинар по Шекспиру и тогда хоть немножко стал понимать в тонкостях перевода и вообще в Шекспире.

Был еще один человек, Георгий Александрович Пиотровский, который после войны стал просто Юрой (в дружеском обиходе – Гошей) Петровским. Его мать, Мария Сергеевна, рожденная Минцлова – фамилия в кругах людей «серебряного века» очень известная, – перед войной была расстреляна. Дочь писателя Сергея Рудольфовича Минцлова, она руководила в Ленинграде Обществом глухонемых. И Мария Сергеевна, и ее муж, отец Георгия Александровича, научный сотрудник Музея антропологии, являли собой тип настоящей петербургской интеллигенции, заботящейся о людях, нуждающихся в помощи, особенно после революции, в 1930-е годы. Кому там было тогда до глухонемых, а они организовали это общество. Потом в НКВД посчитали, видимо, что это особо изощренные «иностранцы агенты», которые ничего не говорят и ничего не слышат: шпионы японские, польские и прочие. Мария Сергеевна была арестована и расстреляна. Георгий Александрович, выйдя из школы, вскоре оказался в лагере, потом в армии. После войны он и появился у нас как Петровский. Конечно, много чего хлебнул, но при всей трагической судьбе представлял человеком необыкновенно жизнерадостным, прекрасно рассказывающим, по-моему, выразительнее, чем писал. Жизнь он вел хотя и литературную, но преднамеренно, как мне кажется, скромную. Уезжал в Новгород, в Новгороде преподавал в пединституте, диссертацию защищать не стал. Когда к нему заехал Александр Исаевич Солженицын, еще не до конца опальный, Георгий Александрович понял, что благом будет новгородское, отчасти уже насиженное, место, не откладывая, оставить. Вернулся в Ленинград, некоторое время публиковался

в «Звезде», потом устроился в университет читать историю многонациональной советской литературы, вел спецкурс по Булгакову.

Вот такие, драматической судьбы, люди, сохранявшие, не взирая ни на что, жизнерадостность, на меня определенно влияли. Все это были мамы одноклассники, все ученики Мухина.

Все они писали стихи, скорее, по-моему, для застолья и времяпрепровождения, так как тексты оказывались преимущественно в остроумном роде. Сами они в ранг поэта из одноклассников возводили, кажется, только Александра (Шуру) Катульского, погибшего в первые месяцы войны. О нем у нас что-то писали. Но я его, естественно, видеть не мог. Разве что в годовалом возрасте у моих родителей на Зверинской улице, где я появился на свет, или где-нибудь неподалеку в зоопарке, куда меня любил носить отец «на прогулку», отчитываясь перед мамой, что гулял с ребенком «на чистом воздухе».

Еще помню Алексея Блека, блестящего военного переводчика.

И Сергея Глаголева, он стал крупным дипломатом и остался в Америке. Между прочим, я пытался, когда первый раз был в Штатах в 1989 году, его найти. Некоторое время перед тем он выступал на «Радио Свобода», но, к сожалению, там не обнаружился.

Из одноклассниц маме до конца дней была близка Евгения Александровна Дацкевич, чье блестящее знание немецкого языка обернулось для нее самым трагическим опытом. Но она, слава богу, жива и, если захочет, сама может рассказать и о себе, и об их классе, и об Аркадии Андреевиче Мухине.

Так что публика была очень интересная, и мне было с ними страшно приятно находиться любое количество времени. Они, слава богу, на меня особого внимания не обращали, я просто присутствовал в их компании, над которой, надеюсь, витал дух Аркадия Андреевича. Компания была разудалая, интеллектуально свободная.

Именно эти люди, ученики Мухина и мамы друзья, в большой, может быть, решающей, степени на меня и повлияли. Все они были в той или иной мере гуманитарии, даже если профессионально занимались чем-то иным.

¹ Текст представляет собой фрагмент радиointервью И. Н. Толстого с А. Ю. Арьевым. Радиопередача «Учителя Андрея Арьева» состоялась 13 января 2013 г. на «Радио Свобода». Фрагмент интервью дополнен и отредактирован А. Ю. Арьевым для настоящего издания.